

Данный сборник вносит важный вклад в диахроническую типологию неканонических подлежащих, а также содержит несколько интересных точек зрения на связанные с понятием неканонического подлежащего проблемы, такие как целесообразность самого выделения неканонических подлежащих.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACC — аккузатив, AUX — вспомогательный глагол, ART — артикль, CL — клитика, COP — связка, DAT — датив, DEF — определенность, GEN — генитив, NOM — номинатив, PL — множественное число, PREP — предлог, PRS — настоящее время, PTCP — причастие, REFL — рефлексив, SG — единственное число.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Testeleets Ya. G. *Introduzione v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001.]
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. The behaviour-before-coding principle in syntactic change. Floricic F. (ed.). *Mélanges Denis Creissels*. Paris: Presses de l'École normale supérieure, 2010. Pp. 493–506.

O. Inkova, M. di Filippo, F. Esvan (a cura di). L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. 237 p.

**Роман Алексеевич Говорухо^а,
Ирина Михайловна Кобозева^{б,в}**

**Roman A. Govorukho^а,
Irina M. Kobozeva^{б,в}**

^а Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Россия; ^б МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия; ^в kobozeva@list.ru

^а Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russia; ^б Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia; ^в kobozeva@list.ru

Рецензируемое издание — уже третий по счету сборник трудов международной исследовательской группы «Сопоставительная лингвистика текста» (GeLiTeC), объединяющей славистов и романистов из Италии, Швейцарии, Франции, России, Польши и других стран Европы¹. Содержание сборника, что характерно для данной серии, выходит за рамки контрастивной лингвистики как таковой, включая отдельные статьи, посвященные анализу текстообразующих феноменов в том или ином славянском или романском языке, и работы по переводоведению. Это мы говорим не в укор составителям. Ведь только адекватное детальное описание языкового явления в каждом из языков создает надежную основу для их последующего сопоставления, а анализ переводов — естественный путь к обнаружению специфических черт языков оригинала и перевода. Труднее оправдать название книги — «Архитектура текста», по сложившейся традиции повторяющее название конференции, материалы которой легли в основу статей сборника. Речь в большинстве работ не идет о конотируемых архитектурной метафорой проблемах структуры текста как сложного, но целостного объекта, все аспекты формы которого подчинены единому авторскому замыслу.

¹ Группа создана по инициативе Анны Бонолы (Миланский католический университет Святого сердца) и Ольги Иньковой (Женевский университет). Опубликована рецензия на первый сборник работ этой группы [Семенова 2012], вскоре должна выйти в свет и рецензия на второй сборник [Inkova 2013]. Подробнее о деятельности группы: можно узнать на сайте <http://www.unige.ch/lettres/meslo/russe/actuscientifique/GeLiTeC.html>.

Скорее, обсуждаются те или иные типовые блоки, строительные материалы, крепеж и т. п. составляющие, используемые при постройке «зданий» самого разного рода.

Авторов объединяет функциональный подход к языку, рассматривающий языковую форму как обусловленную ее функцией в коммуникации. В остальном статьи различаются как по теоретическим основаниям, так и по цели и методу исследования.

Тематически сборник разделен на две части, первая из которых — «Семантика и прагматика глагольных форм» — посвящена функционированию глаголов в тексте. Особое внимание к этому аспекту лингвистики текста объяснимо, с одной стороны, фундаментальной важностью темпорально-аспектуальной организации смысловой структуры текста, а с другой стороны, существенным различием в устройстве глагольных систем в романских языках с их профилированием темпоральных категорий и языках славянских, профилирующих аспектуальные категории.

«Глагольная» часть сборника открывается статьей Л. Геберт (L. Gebert) «Славянский фактивный НСВ и романский имперфект: опыт сравнения» (на итал. яз.). Отметим обращение к такой спорной, неоднозначной теме, как конкуренция видов, о которой, казалось бы, уже много писалось: достаточно упомянуть цитируемых в статье Е. В. Падучеву, И. Б. Шагуновского, а также такие зарубежные имена, как П. Каудаль, С. Дикки, А. Грённ. Давая обзор различных точек зрения, что, несомненно, является достоинством работы, Л. Геберт предлагает и собственную гипотезу, согласно которой как в славянских (русском и польском), так и в романских (французском и итальянском) языках «неканонические» видо-временные употребления, такие как НСВ в общефактическом значении (который в статье назван фактивным НСВ), а также «нарративное» употребление имперфекта для обозначения точечного действия, возникают вследствие некоторых общих дискурсивных и прагматических факторов. Для описания аспектуальных характеристик автор использует понятие иллокутивной силы. В отдельных подразделах рассматриваются бытийный и пресуппозитивный типы общефактического НСВ. Общефактическое употребление НСВ возможно с предельными глаголами, выражающими завершённое событие, когда иллокутивная сила высказывания не может быть направлена на изменение состояния и, соответственно, на результат. Так, в частном вопросе *Где апельсины покупали?* и в утверждении *Я же давал тебе эту книгу* результат не находится в коммуникативном фокусе. Подобная дефокализация финальной фазы события характерна и для употреблений так называемого «нарративного», или «стилистического», имперфекта в романских языках: *In quello stesso anno nasceva a Firenze Dante Alighieri*. Указание на завершенность действия в подобных случаях извлекается адресатом исключительно из контекста. Русские и итальянские формы имеют, согласно автору, сходное происхождение, связанное с дискурсивными факторами: это дилатация момента действия в нарративном имперфекте и распространение итеративных употреблений для кодирования неассертивных фоновых действий для НСВ. Сходство проявляется также и в способе функционирования форм в тексте, в дефокализации результата. Различаются же они по регистру: НСВ бытует в разных речевых стилях, тогда как нарративный имперфект характерен исключительно для письменного регистра. Основное внимание в статье обращено на славянские языки, причем некоторые утверждения Л. Геберт выглядят излишне категоричными. Так на с. 3 заявляется, что анализируемые употребления касаются в языках обоих типов предельных глаголов, но уже на с. 5 автор признает, что отнесение фактивного НСВ только к предельным глаголам «не разделяется всеми аспектологами», ссылаясь на Е. В. Падучеву, Ю. Д. Апресяна, И. Б. Шагуновского, М. Я. Гловинскую.

Обращение к прагматике для объяснения аспектуальных характеристик глагола представляется также весьма симптоматичным. Так, серьезным итальянским исследованием в данном русле стала монография Р. Бенаккио «Вид и категория вежливости в славянском императиве» [Benacchio 2010], где конкуренция видов в императивных конструкциях объясняется с помощью таких понятий, как «межличностная дистанция участников речевого акта», а также «негативная и позитивная вежливость».

В статье А. Крейсберг (A. Kreisberg) «О нарративном имперфекте и прочих трудных случаях» делается попытка найти лингвистические обоснования стилистическому выбору переводчика, при котором имперфективные формы заменяются при переводе на перфективные и наоборот. В качестве источника примеров выбран перевод сборника «Sklepy sułanowe» («Коричные лавки») Бруно Шульца, итальянские переводы Славомира Мрожека, а также переводы рассказов Итало Кальвино, выполненные автором. Довольно ожидаемой является замена общефактического НСВ на законченное время в итальянском. Это касается примеров как с неопределенными, так и с предельными глаголами: *styszalem jego głos* — *udii la sua voce*; *właśnie dochodziłem do bramy* — *mi avvicinaí al portone*. В этих случаях именно за переводчиком остается возможность выбора между фокусированием на действии в развертывании (как в оригинале) и завершившимся действием. Более любопытны примеры, где глагол СВ польского оригинала передан имперфектом в итальянском: *dni stwardniały* — *le giornate s'indurivano*, которые автор рассматривает как обусловленный контекстуальными факторами выбор переводчика. Использование в итальянских переводах «нарративного» имперфекта, то есть стилистически маркированной временной формы, бытующей только в контекстах определенного рода, может быть обусловлено, в частности, присутствием некоторых временных наречий, а у глаголов, обозначающих предельные процессы (accomplishments), при этом сохраняется характеристика градуальности признака.

Две следующие статьи сборника тематически связаны обращением к болгарскому медиативу. З. Генчева (Z. Guentchéva) начинает свою статью «Роль перфектоидных форм с вспомогательным глаголом и без него в болгарской прессе» (на франц. языке) с краткого, но емкого обзора представленных в новейшей литературе позиций в назатухающем споре по проблеме грамматического статуса и семантики аналитических форм болгарского глагола, образуемых по модели перфекта (действительное причастие прош. вр. на -л + вспомогательный глагол *съм* 'быть'), с тем чтобы затем перейти к анализу журналистских дискурсивных практик, основанных на игре с этими формами. Автор занимается изучением этих форм по меньшей мере с 90-х гг. в контексте обсуждения типологических проблем, связанных с категорией эвиденциальности, рассматривая их как формы особого наклонения, для которого наиболее подходящим из существующих в грамматической науке считает термин «медиатив». З. Генчева трактует эти формы в рамках характерных для французской лингвистики подходов к анализу семантики высказывания (см. основополагающие труды О. Дюкро и А. Кюльоли) и обосновывает объяснение их функционирования в тексте на прагматическом по своей сути понятии «принятия на себя ответственности» (*prise en charge*), которое с необходимостью запускает специфические операции над пропозициональным содержанием высказывания. Несомненным преимуществом ее трактовки болгарского медиатива является признание важности разграничения нарративных и ненарративных времен в болгарской грамматической системе и учет различий между жанрами дискурса. Автор солидаризуется с теми, кто считает, что опущение вспомогательного глагола в перфектоидных формах в третьем лице не является ни показателем «ренарратива» (маркером косвенной, пересказываемой речи), ни показателем характера источника информации (ср. видел своими глазами / вывел сам по косвенным данным / сказали и т. п.), но при этом она не согласна и с трактовкой отсутствия *съм* как простого маркера информации «второго плана», поскольку этого не достаточно для объяснения прагмасемантических явлений, наблюдаемых в разных жанрах дискурса. В исторических текстах, не говоря уже о сказках, речь идет о событиях, не связанных со «злободневностью» (*l'actualité*) и не имеющих отношения к автору высказывания. В текстах историка перфектоиды без *съм* манифестируют снятие им с себя всякой ответственности за истинность передаваемой информации, а перфектоиды с *съм* сигнализируют, что он принимает на себя ответственность за оценку такой информации как правдоподобной на основании имеющихся данных или абдуктивных (а иногда и дедуктивных) умозаключений. В журналистской хронике речь идет о событиях, попадающих в зону «злободневности», и журналисту приходится «сталкиваться с трудностями, которые возникают в журналистской практике, когда отношение к информации расходится

с объективным освещением событий» (с. 35). В многочисленных работах, посвященных использованию форм медиатива в болгарской прессе периода социализма, было показано, что к ним регулярно прибегали в случае передачи информации, поступившей из западных источников, тогда как информация советского агентства ТАСС передавалась в индикативе. Политическая подоплека такого использования медиатива очевидна. З. Генчева показывает, что, несмотря на постепенное исчезновение начиная с 1989 г. подобной социолингвистической нормы, манипулятивное использование медиатива в прессе продолжается, хотя и с иной мотивировкой. Анализируя примеры заголовков, она убедительно показывает, что медиативные формы сказуемого в них служат «более общей дискурсивной цели: высказывания, в которых они присутствуют, никогда не предполагают доказательства, отсылая лишь к возможному признаку доказательства, что позволяет автору высказывания подавать информацию так, чтобы снять с себя ответственность и в то же время привлечь как можно больше читателей» (с. 42). В тексте сообщения медиативные формы служат маркерами дистанцирования автора от передаваемой информации. На основе проведенного анализа делается вывод, что «говорящий на болгарском может использовать медиативные формы не только для снятия с себя ответственности за передаваемую информацию, но также как сомнительный инструмент, позволяющий распространять слухи, вселять сомнения и подозрения, — словом, манипулировать читателем» (с. 43). Важным нам представляется и общетеоретический вывод из проведенного анализа: понятие (не)засвидетельствованности, с которым многие связывают медиатив, не обладает достаточной объяснительной силой хотя бы потому, что, передавая информацию, поступившую из одного и того же источника, говорящий может использовать и индикатив, и медиатив в рамках одного и того же пассажа, так что дело не в источнике, а в отношении говорящего к информации. По справедливому замечанию автора, для прояснения сложной семантики перфектоидных форм с вспомогательным глаголом и без него требуется их систематическое изучение в контексте придаточного дополнительного, передающего чужую речь.

Й. Леви (Y. Levi) в статье «Два средства маркирования чужого высказывания: медиатив в болгарском и уступительное будущее в итальянском» проводит детальное сопоставление болгарского медиатива в частном значении «полемиического повтора» (как во второй, но не в первой реплике в примере: *Вчера тая жена пушила [med.] тютюн в хана. 'Говорят, вчера эта женщина курила табак в общежитии...'* — *Пушила [med.] тютюн... това си е нейна работа. 'Курила табак... это ее дело'* [с. 50]) и итальянского футурума в уступительном значении (как в примере: *L'inno di Mameli... (S)arà [FC] brutto o quel che sia mariesce sempre ad emozionarmi. 'Гимн Мамели... Может, он и некрасивый или еще что, но ему всегда удастся растрогать меня'* [с. 51]). Данные «формопотребления» обнаруживают следующие общие характеристики: 1) они оба сигнализируют о том, что автор высказывания выступает лишь как медиатор, передающий чужое высказывание или мнение, и не берет на себя ответственность за его истинность; 2) они оба иерархизуют составляющие сложного высказывания, отодвигая «свою» пропозициональную составляющую на второй план как несущую менее важную или нерелевантную информацию; 3) для реализации указанных частных значений содержащая их пропозиция должна предшествовать той, которая выражает более существенную информацию, исходящую от автора высказывания. Различия между данными «формопотреблениями» обнаруживаются автором как в синтаксисе, так и в семантике: 1) «полемический» медиатив может быть употреблен в независимой клаузе, а уступительный футурум реализуется только в первой части противопоставительной конструкции; 2) если уступительный футурум совместим с допущением обозначаемого факта, то «полемический» медиатив выражает «сильное дистанцирование», «неприсоединение к мнению другого» (с. 55). Последнее положение, однако, подтверждается не всеми примерами на «полемический» медиатив. Так, употребление медиатива во второй реплике приведенного выше болгарского примера не означает, как признает сама Й. Леви на с. 51, что ее автор ставит под сомнение сам факт курения женщиной табака. Но в таком случае «дистанцирование» от высказываемой пропозиции состоит только в признании ее содержания

несущественным, а это именно та семантика, которую автор приписывает уступительному футуруму. Здесь следовало бы различить полемическую направленность на истинность передаваемой пропозиции (постановку ее под сомнение), которая, по-видимому, не является обязательной для болгарского медиатива при «полемическом повторе», хотя и может быть имплицатурой иных употреблений медиатива (см. в статье З. Генчевой о манипулятивном использовании медиатива журналистами), и полемическую заостренность по отношению к общей целеустановке повторяемого высказывания собеседника, выражаемую не столько формой медиатива, сколько отмечаемой в статье особой просодией, характерной для «полемического повтора». В заключение автор приводит свои соображения об источниках семантического эффекта дистанцирования, наблюдаемого в болг. медиативе и итал. будущем уступительном. В первом случае таким источником служит базовая семантика перфекта, а именно акцент не на самом процессе, а на результирующем состоянии, что «открывает дверь для выражения дистанцирования» (с. 55), а во втором — эпистемическая составляющая семантики будущего времени — значение неуверенности, предположительности, из которого развивается чисто «предположительное» (*conjunctural*) значение этой формы, дающее в противопоставительной конструкции уступительное значение. (Конклюзивное «предположительное» употребление итальянского футурума рассматривается в статье А. Бонолы, см. о ней ниже.)

Две следующие работы посвящены употреблению времен в текстах разных жанров и в их переводах. В статье Ф. Эсвана (F. Esvan) «О выборе времен в переводах чешских нарративных текстов на итальянский и французский языки» (на итал. яз.) исследуются переводы произведений Богумила Грабала и Кветы Легатовой. Цель автора, по его собственному признанию, в том, чтобы, не давая оценок выбору переводчиков, проанализировать их мотивировки. Ф. Эсван выделяет три группы параметров (*fattori critici*), которые следует учитывать при анализе: 1) в какой мере переход от прошедшего к настоящему в чешском можно передать в языках перевода; 2) стилистическое различие в языках перевода между перфектом (*passé composé* — *passato prossimo*) и аористом (*passé simple* — *passato remoto*); 3) разница между прошедшими временами в дискурсивном отношении: перфект, в отличие от аориста, связан с моментом речи. При переводе произведений Грабала необходимо учитывать устный регистр его нарративного стиля, который сочетается с соблюдением литературной нормы. В этой связи французский перевод фрагмента сборника «*Vambini di Praga*», выполненный в настоящем времени, выглядит, по мнению автора, как стилистическая крайность, по сравнению с более традиционной версией в *passé simple*, или с итальянским переводом в *passato remoto*. Сложности при переводе фрагмента романа «Я обслуживал английского короля» обусловлены, в частности, контрастом диалогической рамки — обращения к читателю в начале и в конце произведения — и нарративной стилистики основной истории. Как справедливо отмечает автор статьи, опущение последних дискурсивных реплик во французском переводе вызвано при этом не столько «диктатом изящного стиля» французской традиции, сколько дискурсивной несовместимостью основного повествования в *passé simple* с финальным прямым обращением к читателю. Итальянский переводчик, сочетая *passato remoto* с *presente*, оставляет фактор дискурсивной несовместимости без внимания. Разные стратегии наблюдаются и при переводе рассказа «Ярмилка»: итальянский вариант выполнен в настоящем времени, во французском переводе *passé simple* соседствует с *passé composé*. Для стиля К. Легатовой характерен постоянный переход от прошедшего времени к настоящему, и основной сложностью для переводчиков становится здесь фактор чередования времен: настоящее время может легко чередоваться с перфектом (*passato prossimo*, *passé composé*), но не с аористом (*passato remoto*, *passé simple*). Переводчики опять выбирают разную стратегию: во французской версии, где временем наррации является аорист, приходится отказаться от его чередования внутри текста с *presenzе*. В итальянском переводе чередование времен внутри текста сохраняется, но рассказ ведется в *passato prossimo*.

Статья Ф. Фици (F. Fici): «Перфектное значение глагольных форм в “Дневнике Полины Жеребцовой”» (на итал. яз.) открывается краткой характеристикой дневника как текста

определенного типа, для которого характерны эмоциональность, субъективность восприятия, спонтанность записей. В анализируемом тексте дневника Ф. Фичи отмечает дейктическую составляющую (в противоположность нарративной), лаконизм формулировок, эллиптичность и иконичность синтаксической структуры. Незначимые фрагменты структуры опускаются, союзы заменяются знаками пунктуации. Русские примеры дневниковых записей сопровождаются переводами автора статьи, что могло бы быть хорошим материалом для сопоставительного анализа, который, к сожалению, в данной части работы отсутствует. Предлагаемые Ф. Фичи переводы на итальянский свидетельствуют о том, что итальянский текст и в этом особом жанре кратких дневниковых записей отличается более высоким уровнем синтаксической связности. Ср.: *Takже снаряды попали в здание университета. Шли лекции — Dei proiettili hanno colpito anche l'università mentre c'era lezione; Одни меня не любят — мать русская. Другие сторонятся — у отца родня чеченцы — Certi non mi amano perché mia madre è russa, altri evitano perché la famiglia di mio padre è cecena.* Переходя к рассмотрению перфекта в аспектуально-временном комплексе текста дневника, Ф. Фичи отмечает, что, как во французском и итальянском, так и в русском языках о перфекте следует говорить не просто как о форме глагола, но как об определенной функции, зависящей от семантики предиката и от условий его употребления. В ответе на вопрос: *Где Виктор? — Виктор вышел* указывается не столько на событие в прошлом, сколько на положение вещей в настоящем. В дневниковой прозе эта особенность перфекта проявляется особенно ярко. Так, в записи Полины *Мы счастливые! Мы поели вчера после долгой голодовки* предикат *поели* указывает на актуальное состояние счастья и сытости пишущего. Употребление перфектов подобного типа автор статьи сравнивает с «синтаксическими невидимками», а именно с невыраженным субъектом. Подобно тому, как перфект фокусирует внимание на результате события, при нулевом субъекте акцент смещается на само действие: *У меня мобильник украли.*

Вторая часть сборника — «Структура текста» — объединяет сопоставительные исследования, посвященные вопросам, большая часть которых, несомненно, релевантна для уровня текста. Контрастивному анализу русских и итальянских коннекторов как вербальных показателей смысловых отношений между предикативными единицами в высказывании и тексте посвящены статьи Ольги Иньковой и Анны Бонолы.

Работа О. Иньковой (на русск. яз.) представляет собой развернутый семантико-синтаксический анализ системы сравнительных конструкций, обязательным элементом которых служит союз *как* в русском языке и его переводной эквивалент *come* в итальянском. Отталкиваясь от проведенного в работе Э. Манзотти анализа «аналогических» конструкций с *come* [Manzotti 2010—2011], автор находит у соответствующих русских конструкций те же четыре основных значения (интерпретации): скалярное количественное сравнение (*Она так же красива, как ее сестра*), сравнение-уподобление по образу действия (*Она работает так же, как ее сестра — плохо*), сравнение-аналогия (*Она красива, как и ее сестра*), сравнение с присоединительным значением (*Они, как и мы, недовольны происходящим*). Кроме того, у русской конструкции *так(ой) же, как* отмечается, помимо количественной, и качественная интерпретация (*Она была в таком же платье, как вчера*). Для каждого из значений описываются морфосинтаксические и семантические условия его реализации в обоих языках. Особое внимание уделяется конструкциям со значением сравнения-аналогии, поскольку в русской грамматике таковые ранее не выделялись, и соответственно, оставались не описанными. К тому же заострение внимания на сравнении-аналогии представляется вполне естественным в контексте сборника о структуре текста. Действительно, данный тип конструкций оформляет особый мини-жанр текста, имеющий специфическую коммуникативную задачу — обратить внимание адресата на тождество отношений в уподобляемых говорящим положениях дел — и предполагающий, как показывает автор, обращение к приемам, характерным для уровня текста — лексическому или семантическому повтору и синтаксическому параллелизму частей. В работе показано, чем сравнение-аналогия формально и семантически отличается от других семантических типов сравнительных конструкций. Отдельно описывается вклад частиц *же* и *и* в семантику этих конструкций — тождество и включение в класс соответственно. В Заключении

приведена в виде парадигмы целостная система русских сравнительных конструкций с *как* и указано, в чем состоит ее отличие от итальянской с *come*. Особо отметим, что О. Инькова не ограничивается тщательным описанием и классификацией материала, а предлагает объяснение наблюдаемых фактов языка. Ее выводы аргументируются с применением методов структурно-семантического анализа и без труда впишутся в рамки разных теоретических подходов в синтаксисе и семантике. При всей тонкости полученного описания, некоторые его детали можно уточнить. Так, требование конкретной референтности компарата в конструкции квантитативного сравнения с *come* (с. 92) является слишком сильным для русского аналога с *как*, ср. возможность квантитативной интерпретации предложений типа *Девочки такие же сообразительные, как мальчики* с нереферентным (родовым) статусом компарата или *Петя такой же непослушный, как все мальчики его возраста* с универсальным статусом компарата. Замечание на с. 94 о том, что итальянский язык отличается от русского тем, что в первом можно легко отличить квантитативное сравнение (утверждающее тождество степени) от качественного (утверждающего тождество признака), не вполне справедливо. Действительно, в русском нет аналога итальянскому *stesso*, используемому при сравнении по качеству, но возможность замены *так же* на *столь же*, отчасти подобная замене *come* на *tanto ... quanto*, тем не менее, позволяет отличить количественное сравнение от качественного. Вызывает сомнение трактовка коммуникативно-просодической структуры предложения (118) *И едва на него подул морозцем, он так же быстро забыл о Никите, как несколько минут назад вспомнил о нем*. Вряд ли можно приписать слову *быстро* статус фокуса ремы, поскольку последний обычно маркируется фразовым акцентом, а в (118) ни при одном из возможных прознесений *быстро* не акцентируется. Впрочем, коммуникативная структура аналогических сравнений требует отдельного исследования. Жаль, что работы А. Н. Гвоздева, А. Г. Широковой, В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой, Л. Ю. Максимова, Т. П. Ломтева, Т. М. Николаевой и Т. Е. Янко, на которые автор ссылается, почему-то не вошли в список литературы. Конечно, благодаря указанным в ссылках годам издания и контексту опытные русисты без особого труда опознают классические труды по русскому синтаксису и широко известные монографии, но ведь сборник могут читать не только они.

Работа А. Бонолы (A. Bonola) «Некоторые русские маркеры конклюдентности в свете эпистемического будущего в итальянском» (на итал. яз.) опирается на теорию конгруэнтности Э. Риготти, важным элементом которой является понятие коннектива, под которым понимается «существенный элемент представления текста на прагматическом и лексико-семантическом уровнях». Так, в приводимом в статье примере *Gli ha battuto al computer la tesi. Lo amerà — Она набрала ему на компьютере дипломную работу. Наверное, она его любит* коннектив ‘инференциального вывода’ (= вывода-умозаключения) на уровне текста представлен в итальянском тексте коннектором будущего модального. В роли аргументов коннектива-предиката ‘инференциальный вывод’ выступают: говорящий, слушающий, высказывание E0, предшествующее ему высказывание E1, имплицитная большая посылка типа *Кто любит, помогает*, которая содержится в common ground участников диалога. А. Бонола отмечает абдуктивную природу вывода, а также такие его характеристики, как предположительность, эвиденциальность, аргументативность. Вторая часть статьи посвящена анализу некоторых русских маркеров предположения, выделенных экспериментальным путем, которые могли бы соответствовать эпистемическому будущему в итальянском. Это наречия *наверное, похоже, видимо, может быть, возможно, вероятно, как будто*, для каждого из которых автором было подобрано не менее 25 контекстов из [НКРЯ]. Как показывает А. Бонола, точнее всего передают значение итальянского модального футурума наречия *наверно, наверное, похоже*. Гораздо больше ограничений возникает с маркерами *может быть, возможно*, а также с группой показателей, включающих сему ‘видеть’: *видимо, видно, по-видимому*, которая, по мнению автора, плохо сочетается со слабой семантикой предположительности будущего модального. Наконец, маркеры *как будто, вроде* часто не могут употребляться в контексте инференциального вывода, поскольку в этом случае отсутствует инференциальный компонент абдуктивного типа, то есть основная пресуппозиция.

Статья К. Бракенъе (Ch. Braquenier) — «Сирконстант и архитектура текста: сопоставительный анализ на материале французского и русского языков» — одна из немногих точно соответствует заявленной теме сборника. Сирконстанты (темпоральные и локативные) действительно рассматриваются в ней в основном с точки зрения их роли в структуре дискурса. Напомнив, что определяющее свойство сирконстанта (как синтаксического, так и семантического) — это его факультативность, К. Бракенъе ставит своей целью показать, что это свойство сирконстант может утрачиваться, когда мы переходим от анализа синтаксической и семантической структуры изолированного простого предложения к анализу высказывания как части текста. В рамках текста он, во-первых, наделяется информационной структурой, во-вторых, вступает в референциальные отношения с миром дискурса. На уровне текста сирконстанту (в обоих языках, а возможно, и универсально) свойственен ряд важных функций, и выполнение любой из них исключает его опущение. Автор последовательно рассматривает различные случаи, в которых сирконстант становится неустранимым элементом структуры высказывания или элементом, удаление которого дает коммуникативную аномалию: 1) в составе «бинарных структур» с сопоставительным выделением (*На юге жарко, на севере холодно*); 2) в реме, когда сирконстант — единственный элемент, несущий информационную нагрузку: а) когда им исчерпывается новая информация: *Уехал он именно в тот день, когда...*; б) когда предикат клаузы малоинформативен, как в случае предикатов существования: *Случилась эта история в двадцать третьем году*; 3) в реме, где сирконстант не единственный, но наиболее важный информационный компонент: а) в случае фокализации сирконстанта (с помощью частицы *это* в русск. яз., ср. *Это уж потом, когда привок, понемногу осмелел*, и оборота *c'est ... que* во франц. яз.); б) в случае, когда именно обстоятельства места и времени образуют центр интереса в сообщении, а другие компоненты ремы предсказуемы исходя из фоновых знаний, ср. эффект опущения сирконстанта во втором предложении пассажа *Позвонив и убедившись, что забронированный ими номер в отеле «Глуар» уже освобожден, они сели в машину и уехали. Они приехали (ближе к вечеру). Номер в «Глуар» был обставлен мебелью из простого дерева*. Отдельно рассматриваются так называемые «рамочные (cadratifs) сирконстанты», иначе говоря, обстоятельственные детерминанты (в том числе обособленные), которые не только фиксируют пространственно-временные переменные пропозиции высказывания, но и задают реперные точки (repère), позволяющие адресату ориентироваться в развитии описываемых событий. Дается классификация таких точек: абсолютные (календарная дата, место, соотносящееся с точкой на карте), автономные (например, время года и суток) и отсылочные (относительные типа *когда она вернулась в комнату после завтрака* и анафорические), которые играют наиболее важную роль в архитектуре текста, непосредственно соотнося «свое» высказывание с предтекстом. Автор на примерах демонстрирует их функции, общие для обоих языков: ограничение рамок валидности высказывания; актуализация обстоятельства, принадлежащего общему для коммуникантов ситуативному знанию; напоминание об удаленном от данной точки дискурса обстоятельстве; участие в продолжении начатой нарративной линии или, напротив, в ее прерывании и установлении новой линии. По наблюдениям автора, при открытии новой нарративной линии или после «разрыва в архитектуре дискурса» в русском тексте, в отличие от французского, наблюдается тенденция проводить инверсию подлежащего и сказуемого по базе детерминантов. Правда, остается не вполне понятным, в какой мере такая инверсия зависит от наличия в предложении рамочного сирконстанта. При открытии новой нарративной линии в связи с введением нового персонажа инверсия производится по общему правилу упорядочивания «данного» и «нового» в русском языке, и наличие сирконстанта не обязательно, ср. *Приехал Иван* как возможное начало новой нарративной линии. Литературный пример (28) на с. 156, где после рамочного сирконстанта инвертируется подлежащее со статусом «данного», К. Бракенъе интерпретирует как вызванное «разрывом в архитектуре дискурса» (переходом от диалогического фрагмента к нарративному) и стремлением автора (А. Куркова) вопреки «данности» действующих лиц утвердить новую нарративную линию в новой пространственно-временной рамке. Однако для того, чтобы выяснить, типична ли

подобная коммуникативная стратегия для русского дискурса, нужно проверить, насколько часто в аналогичных дискурсивных контекстах встречается инверсия, что требует анализа представительной текстовой выборки. То же можно сказать и о весьма интересных наблюдениях относительно различий между русским и французским языком в упорядочивании темпорального и локативного сирконстантов и порядке следования однородных сирконстантов.

Две статьи итальянских исследовательниц посвящены языковым средствам аппроксимации. Обе работы представлены как «первые результаты» более обширных проектов. В статье М. ди Филиппо (M. di Filippo) «Семантические модели аппроксимации» под аппроксимацией понимается «значение приблизительности, установленное с помощью имплицитной операции сравнения с точкой отсчета, сопровождаемое оценкой соответствия точке отсчета». В роли аппроксиматоров в языке могут выступать морфологические, лексические, синтаксические модификаторы. Представив основные работы последнего времени по аппроксимации, автор использует классификации С. Р. Маджидова [Маджидов 1995] и С. В. Адамович [Адамович 2011], на основе которых описывает девять основных моделей аппроксимации, общих для итальянского и русского языков, предлагая богатый иллюстративный материал из разных корпусов. Первую группу составили квантитативные аппроксиматоры с указанием верхней границы количественного интервала, когда точка отсчета не входит в этот интервал: *Ему 92, а ей немногим меньше; Lui ha 92 anni e lei un po' meno*. Ко второй группе относятся квантитативные аппроксиматоры с указанием нижней границы количественного интервала, когда точка отсчета не входит в этот интервал: *В компании было занято свыше 30 тыс. чел.; Ci saranno state cento persone e passa*. В третью группу вошли квантитативные аппроксиматоры с указанием верхней границы количественного интервала, когда точка отсчета входит в этот интервал: *Прошло не более десяти минут; Non oltre il metro*. Четвертая группа включает квантитативные аппроксиматоры с указанием нижней границы количественного интервала, когда точка отсчета входит в этот интервал: *He реже чем раз в месяц; Non meno di quattro volte al mese*. Пятая модель предполагает квантитативную аппроксимацию с указанием верхней и нижней границ количественного интервала, когда обе точки отсчета не входят в этот интервал: *Между 35 и 39 годами; Tra i 35 e i 39 anni*. К шестой модели относится квантитативная аппроксимация с указанием верхней и нижней границ количественного интервала, когда обе точки отсчета входят в этот интервал: *om 6 do 7 часов; dalle 6 alle 7 ore*. Седьмая модель — это квантитативная аппроксимация с указанием на выбор одного из двух количеств: *he то в феврале, he то в марте; a febbraio-marzo*. В восьмую модель включены конструкции квантитативной аппроксимации с указанием верхней и нижней границ количественного интервала, когда нижняя точка отсчета входит в тот интервал, а верхняя — не входит: *в 1990-е годы; negli anni Novanta*.

На наш взгляд, первые восемь моделей, обладая значительным сходством в двух языках, не слишком интересны в сопоставительном отношении. Девятая модель, по свидетельству автора, особенно широко распространена и продуктивна; она описывается подробнее других, поскольку именно к ней относится большое число национально специфичных идиоматических конструкций с аппроксимацией. Эта модель объединяет разнообразные случаи квантитативной аппроксимации, когда точка отсчета входит в количественный интервал, но границы его не указаны, например: *Прошло примерно 3 часа*.

Описание каждой модели сопровождается подробным перечислением средств ее выражения (морфологических, лексических, синтаксических и др.) и целым рядом пронципальных наблюдений сопоставительного характера.

Основной целью работы В. Бенини (V. Benigni) «Стратегия лексической аппроксимации в русском и итальянском языках» является сопоставление русских аппроксимантов *вроде, типа, как бы* — только лексических, это подчеркивает автор — с их итальянскими эквивалентами. Исследование проводится на материале корпуса произведений В. Пелевина и их переводов на итальянский язык. В кратком обзоре литературы по приблизительности подчеркивается связь аппроксимации как с референциальной неопределенностью, так и с модальной составляющей высказывания. Переходя к функциональной характеристике

аппроксимантов, автор анализирует употребления слов *вроде* и *типа* как модификаторов именной синтагмы: *звук вроде удара в небольшой колокол, работа типа коммивояжера*, а также как пропозициональных маркеров: *вроде ехали по знакомой дороге, они тебе типа снятся*. Пропозициональные употребления выделяются и для аппроксиманта *как бы*: *приходилось как бы висеть над рамой*. Отдельно в статье рассматриваются различные способы перевода аппроксимантов на итальянский. В результате наиболее универсальным аппроксимантом признается оператор *как бы*, способный передавать как референциальную неопределенность, так и эпистемическую модальность и сочетаться с единицами разных классов. *Вроде* в основном является показателем эпистемической модальности, тогда как *типа* чаще указывает на интенциональную неопределенность и имеет своей сферой действия отдельные синтаксические группы.

Статья Т. Гермак-Зеленской (T. Giermac-Zielińska) «Пословичная креативность и перевод», посвящена анализу конвенциональных и креативных пословиц и других устойчивых сочетаний в романе «Транс-Атлантик» Витольда Гомбровича, в котором данный речевой жанр представлен необычайно широко и играет важную роль в раскрытии идеи произведения. Это обстоятельство придает особую остроту проблеме переводимости пословиц и фразеологизмов. Автор анализирует возникающие трудности перевода и оценивает возможные решения.

В сборник включена также интересная, хотя и лежащая на дальней периферии общей темы сборника, работа Д. Манчевой (D. Mancheva) «Созвучия и резонансы: отражения болгарского языка в иудео-испанском», в которой собраны выявленные автором на материале десяти номеров газеты «El eso judaico» (София, 1901) случаи возможного влияния болгарского языка на сефардский в области морфосинтаксиса и лексики.

Рецензируемая книга отражает результаты живого научного поиска, направленного на постижение и сопоставление средств и способов организации содержания в форме текста. В ней высказан целый ряд идей и объяснительных гипотез, заслуживающих внимания, и поднято много вопросов, требующих дальнейшего изучения. Она интересна не только для славистов и русистов, но и для тех, кого интересуют общие проблемы анализа дискурса, а также теории и практики перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Адамович 2011 — Адамович С. В. Семантическая категория аппроксимации и система ее выражения. Гродно: ГрГУ, 2011. [Adamovich S. V. *Semanticheskaya kategoriya approksimatsii i sistema ee vyrazheniya* [The semantic category of approximation and the system of its expression]. Grodno: Grodno State Univ., 2011.]
- Маджидов 1995 — Маджидов С. Р. Приблизительное количество как языковая категория и способы его выражения в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1995. [Madzhidov S. R. *Priblizitel'noe kolichestvo kak yazykovaya kategoriya i sposoby ego vyrazheniya v sovremennom rusском yazyke*. Kand. Diss. [Approximate quantity as a linguistic category and means of its expression in the modern Russian language. Cand. Diss.]. Taganrog, 1995.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/> [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian national corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru/]
- Семенова 2012 — Семенова К. П. [рец. на:] Bonola A., Inkova O. (dir.). Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi (L'analisi linguistica e letteraria. XVIII. 1, 2010. Numero Speciale // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 126—131. [Semenova K. P. [review of:] Bonola A., Inkova O. (dir.). Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi (L'analisi linguistica e letteraria. XVIII. 1, 2010. Numero Speciale. *Voprosy Jazykoznanija*. 2012. No. 1. Pp. 126—131.]
- Benacchio 2010 — Benacchio R. Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ [Aspect and the category of politeness in the Slavic imperative. A comparative study]. *Slavistische Beiträge*. R. Render (Hrsg.). Bd 472. München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2010.
- Inkova 2013 — Inkova O. (éd.). *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Berne: Peter Lang, 2013.
- Manzotti 2010—2011 — Manzotti E. «Come... così». Comparazioni analogiche correlative. *Studi di grammatica italiana XXIX—XXX*. 2010—2011. Pp. 391—418.